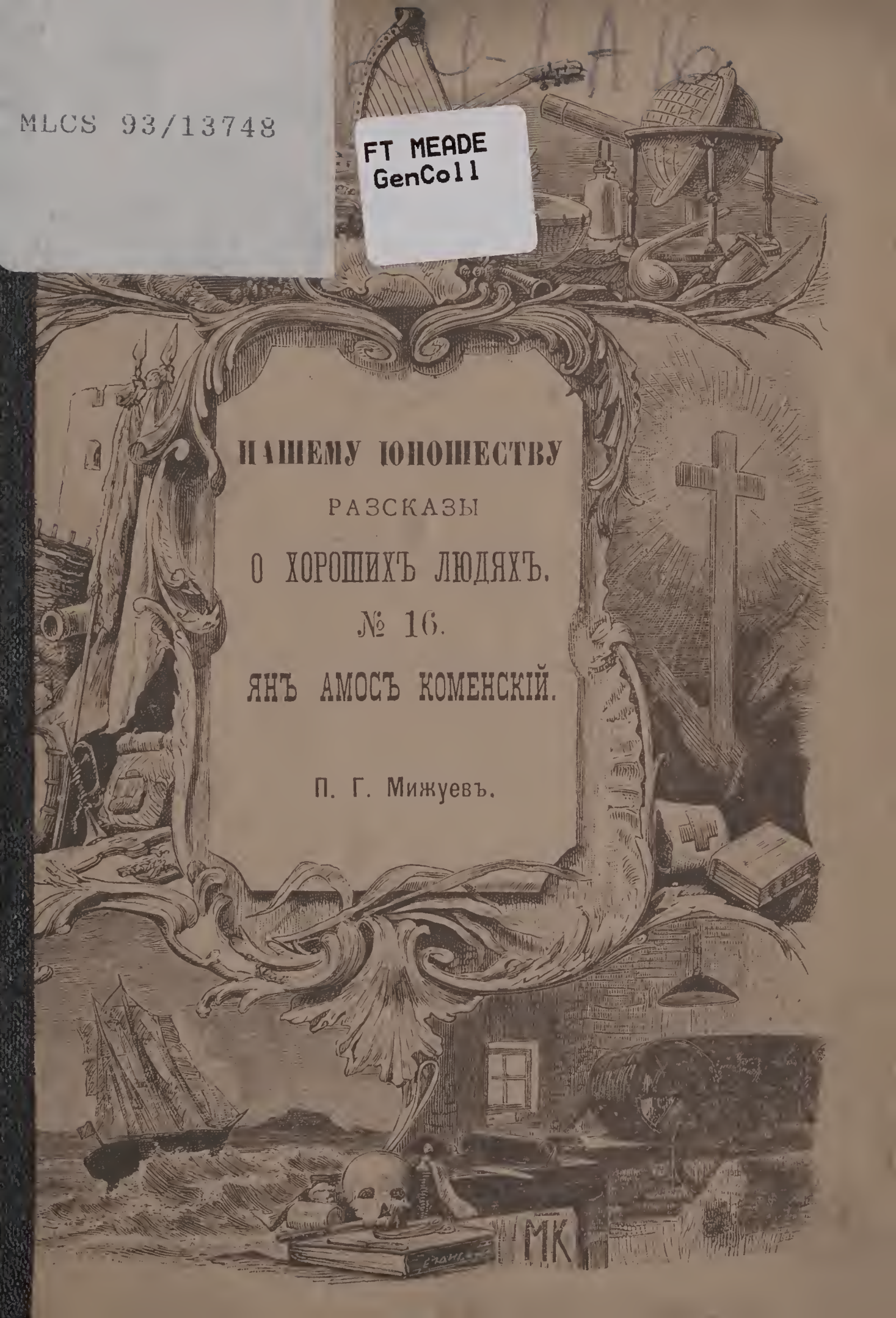
MLCS 93/13748

FT MEADE
GenColl



НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

РАЗСКАЗЫ

О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.

№ 16.

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ.

П. Г. Мижуевъ.

МК

Mizhuev, P.G. (Pavel Grigor'evich)

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ

РАЗСКАЗЫ

О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ.

№ 16.

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ.

П. Г. МИЖУЕВЪ.

Изданія М. М. Ледерле удостоены на 1-й Всероссійской Выставкѣ Печатнаго Дѣла малой серебряной медали.

Изданіе книжнаго магазина М. М. ЛЕДЕРЛЕ
(невскій, 42).

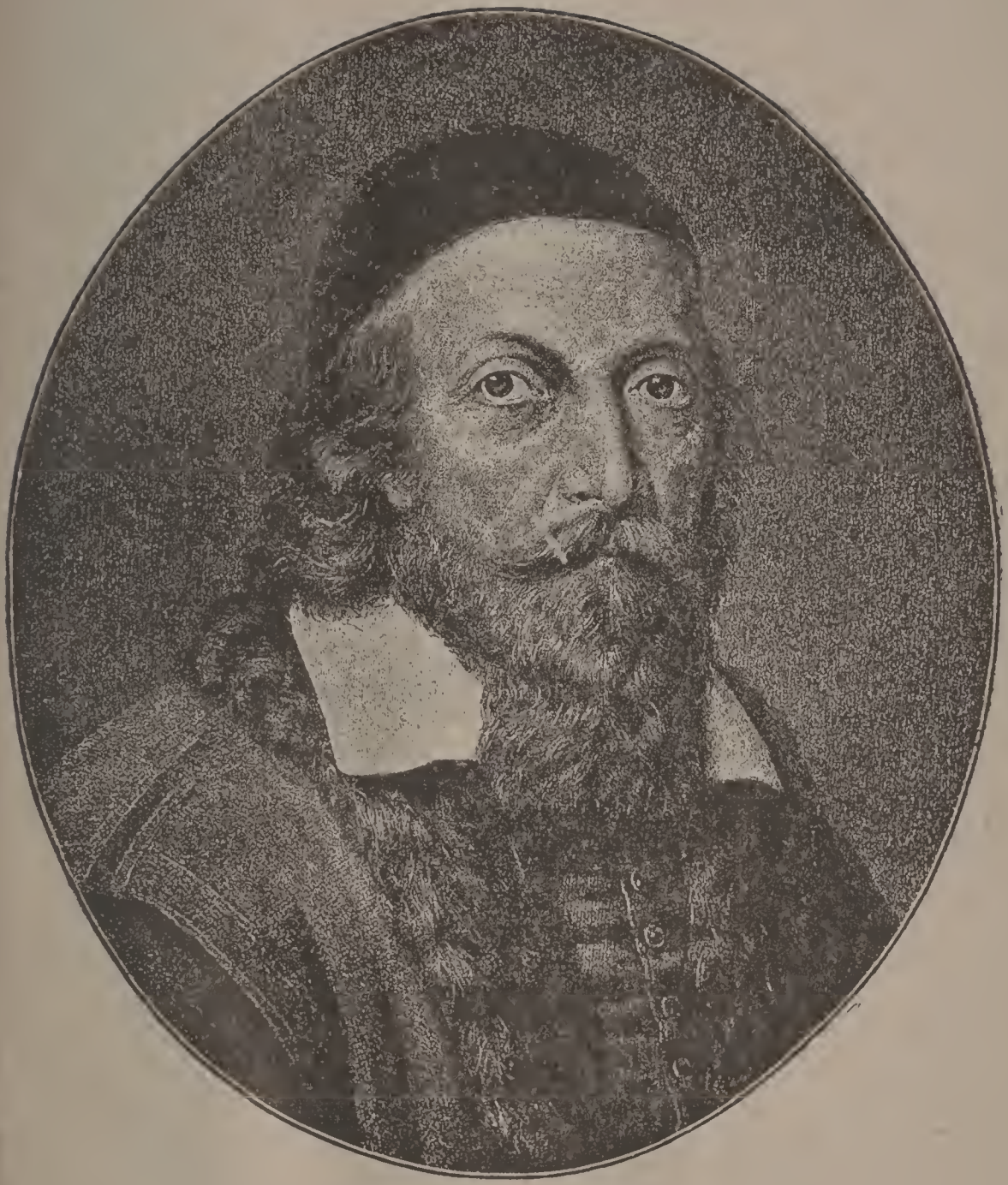
MLCS 93/13748

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Февраля 1896 г.

АНТИКВАРНАЯ
КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧКОВА.
Спб., Литейный, 55.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., № 12.

93-224383
Q502



Joh A. Comenius.

ВЕЛИКІЙ СЛАВЯНСКІЙ ПЕДАГОГЪ

ЯНЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ.

«Всякій человѣкъ, чтобы быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе».

Я. А. Коменскій.

18 марта 1892 г. во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ міра чествовали память одного великаго славянина, имя котораго до сихъ поръ еще мало извѣстно въ Россіи, Яна Амоса Коменскаго.

Триста лѣтъ тому назадъ родился Коменскій и прожилъ большую часть своей долгой жизни въ изгнаніи, преслѣдуемый за религіозныя убѣжденія. Онъ остался непоколебимъ въ своей вѣрѣ и предпочелъ отказаться отъ отечества, когда отъ него потребовали, чтобы онъ измѣнилъ религіи своихъ отцовъ.

Но не за это главнымъ образомъ чтитъ теперь Коменскаго весь міръ, хотя и въ этомъ отношеніи онъ представляетъ всѣмъ намъ недосягаемый примѣръ человѣка, который выше всего на свѣтѣ ставилъ правду, искренность вѣрованій и убѣжденій и для нихъ готовъ былъ все принести въ жертву.

Нѣтъ, не одну преданность вѣрѣ отцовъ цѣнитъ міръ въ Коменскомъ: иначе не сошлись бы для празднованія 300-лѣтія его рожденія представители всѣхъ исповѣданій

христіанства, не исключая даже и католиковъ, т. е. представителей той самой религіи, во имя которой всю жизнь гнали Коменскаго и заставляли его скитаться по всей Европѣ.

Нѣтъ, болѣе всего чтитъ весь міръ Коменскаго за его горячую проповѣдь необходимости образованія для всѣхъ: для богатыхъ и для бѣдныхъ, для мужчинъ и для женщинъ. Человѣчество никогда не забудетъ того, что Коменскій одинъ изъ первыхъ требовалъ для всѣхъ однѣхъ и тѣхъ-же школъ, одинаковой для всѣхъ возможности учиться, такъ чтобы всякій могъ получить такое образованіе, на какое даютъ ему право его способности и его стремленія.

Одинъ изъ первыхъ Коменскій понялъ—и въ этомъ случаѣ много сдѣлалось ему яснымъ послѣ ряда собственныхъ несчастій и скитаній по Европѣ, въ особенности-же послѣ несчастій родины—одинъ изъ первыхъ Коменскій понялъ, что образованіе нужно всѣмъ безъ изъятія, что только всеобщее образованіе можетъ дать счастье и прочное матеріальное благосостояніе, что лишь образованіе можетъ навсегда прекратить между людьми взаимныя преслѣдованія за вѣру, за убѣжденія. Коменскій говорилъ, что безъ образованія человѣкъ даже недостоинъ названія человѣка, что только ученіе можетъ лишить человѣка звѣринаго образа и дать ему «образъ и подобіе Божіе». Если мы вспомнимъ, что въ то время, когда жилъ Коменскій, многія духовныя лица католической церкви считали на-

противъ, что «невѣжество есть мать благочестія», а поэтому гнали и преслѣдовали науку и образованіе, мы поймемъ, какъ громадна была пропасть, раздѣлявшая Коменскаго отъ его противниковъ, какъ велика его заслуга передъ человѣчествомъ.

Мы можемъ теперь понять и уваженіе къ Коменскому всего современнаго міра, когда, наконецъ, начинаютъ осуществляться мечты Коменскаго о *единой, всеобщей, обязательной для всѣхъ школѣ.*

И въ нашемъ отечествѣ начинаютъ понимать все величіе мыслей Коменскаго и всю ихъ справедливость. И у насъ въ разныхъ концахъ нашего великаго отечества начинаютъ раздаваться голоса въ пользу настоятельной необходимости всеобщаго обученія. И у насъ въ достопамятный день 18 марта 1892 г. нашлись люди, которые почтили память великаго славянскаго преобразователя школы, хотя наши празднества въ память Коменскаго далеко уступили тѣмъ, которыя въ то-же время происходили за границей и въ особенности въ сосѣдней съ нами Германіи, гдѣ уже давно и словомъ, и дѣломъ чтятъ имя Коменскаго и гдѣ понемногу приводятъ въ исполненіе его великіе завѣты.

Чествованіе памяти Коменскаго въ Петербургѣ, состоявшее въ произнесеніи рѣчей о жизни и заслугахъ великаго славянина, закончилось пѣніемъ слѣдующаго гимна:

Въ этотъ день, тому три вѣка,
Мужъ великій былъ рожденъ,

И для блага человѣка
Свѣтлый умъ свой отдалъ онъ.
Онъ училъ съ душою тѣло
Развивать, дѣтей любить.
Три столѣтья пролетѣло,
Но онъ живъ и будетъ жить.
Духъ его доселѣ съ нами,
Для него забвенья нѣтъ,
И мы шлемъ ему сердцами
Благодарственный привѣтъ.
Амосу Коменскому слава!
Амосу Коменскому слава!

(Слова В. С. Карцова).

I.

Дѣтство и юность Коменскаго.

Немногимъ болѣе 300 лѣтъ тому назадъ (18 Марта 1592 г.) въ небольшомъ мѣстечкѣ въ Моравіи (странѣ, наполовину заселенной родственнымъ намъ славянскимъ племенемъ) родился мальчикъ Янъ (по русски Иванъ) Амосъ Коменскій. Отецъ мальчика былъ мельникъ и принадлежалъ къ одной христіанской сектѣ, члены которой называютъ себя «Моравскими или Чешскими Братьями», такъ какъ секта эта появилась первоначально въ Чехіи и сосѣдней съ ней Моравіи. «Братьями» же они называютъ себя потому, что твердо вѣрятъ въ заповѣдь Христа, что всѣ люди должны относиться другъ къ другу, какъ братья, должны быть всегда готовы помогать другъ другу въ бѣдѣ, въ несчастіи, въ нуждѣ.

Не только такова была всегда вѣра «Братьевъ», но такова была и самая жизнь ихъ. Стремленіе ихъ свято исполнять заповѣдь Христа доходило до того, что они одно время по примѣру первыхъ христіанъ хотѣли, чтобы все у нихъ было общее, чтобы никто ни въ чемъ не

терпѣлъ недостатка, если хоть у кого-нибудь есть излишекъ. Даже болѣе этого: заповѣдь Христа «возлюби ближняго своего, какъ самого себя» они хотѣли исполнять не только относительно другъ друга, не только относительно своихъ соотечественниковъ, но и относительно всѣхъ людей вообще, почему они считали грѣхомъ всякое насиліе и всякую войну, для какой-бы цѣли она ни велась.

Съ теченіемъ времени однако они горькимъ опытомъ убѣдились, что трудно и даже невозможно вполнѣ слѣдовать такимъ правиламъ, когда другіе люди ищутъ только своей выгоды и за добро иногда даже платятъ зломъ. Они оставили мысль объ общности имущества, но всетаки старались, насколько было возможно, соблюдать великую заповѣдь Христа о любви ко всѣмъ людямъ и считали всегда священной своей обязанностью помогать всякому нуждающемуся.

Другой не менѣе рѣзкой отличительной чертой „Моравскихъ Братьевъ“ было ихъ стремленіе къ ученью, глубокая вѣра въ благотворное вліяніе науки и знанія на людей, почему они считали заботы о хорошемъ устройствѣ школы самымъ важнымъ дѣломъ для людей и не жалѣли на это своихъ скудныхъ средствъ.

Вотъ среди какихъ людей родился Янъ Коменскій. Мальчика рано выучили читать и писать, но этимъ почти и ограничилось его ученье: сначала у него умеръ отецъ, а затѣмъ и мать, и онъ остался на 12-мъ году круглымъ сиротой. Коменскаго отдали въ ученье мастерству, и онъ

болѣе 3 лѣтъ не могъ посѣщать никакой школы. Одно время онъ былъ даже деревенскимъ пастухомъ и, проводя цѣлые дни въ полѣ со стадомъ, часто жалѣлъ, что не можетъ продолжать далѣе ученья, къ которому отъ природы чувствовалъ непреодолимое стремленіе.

Но вотъ счастье снова улыбнулось мальчику, и на 16-мъ году онъ снова попалъ въ школу. Теперь Коменскій приступилъ къ изученію латинскаго языка, который тогда имѣлъ такое большое значеніе, какого совсѣмъ не имѣетъ въ наши дни: тогда во всѣхъ странахъ ученые писали сочиненія на латинскомъ языкѣ, на латинскомъ языкѣ велись переговоры между государствами и составлялись международные договоры, на латинскомъ же языкѣ совершалось богослуженіе въ католическихъ странахъ, т. е. въ большей части Западной Европы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ то время, когда жилъ Коменскій, всякій человѣкъ, который хотѣлъ знать, что́ писали и что́ думали самые образованные люди его времени, долженъ былъ прежде всего выучиться латинскому языку.

Впрочемъ, уже и тогда можно было видѣть, что время такого господства латинскаго языка быстро близится къ концу. Чаще и чаще ученые писали свои сочиненія на своемъ родномъ языкѣ, чаще и чаще раздавались голоса людей, которые говорили, что пора, наконецъ, писать каждому народу на своемъ родномъ языкѣ. Только въ такомъ случаѣ, говорили такіе люди, знаніе сдѣлается доступнымъ для всѣхъ, а не для однихъ ученыхъ: простому

народу нѣтъ времени тратить многіе годы въ школѣ на латинскій языкъ, ему нужны болѣе полезныя, болѣе важныя для его жизни знанія.

Увлеченіе латинскимъ языкомъ особенно вредно отражалось на школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ школахъ того времени учили почти только латинскому языку, проводя надъ нимъ многіе годы, заставляя съ него начинать ученье 6—7-лѣтнихъ дѣтей, не умѣющихъ ни читать, ни писать на родномъ языкѣ. Въ школахъ старались даже заставить несчастныхъ дѣтей говорить между собой не на родномъ, а на латинскомъ языкѣ. При всемъ этомъ успѣхи получались самые жалкіе.

Все это Коменскій испыталъ на себѣ, когда 15-ти лѣтъ поступилъ въ «латинскую школу» (то, что мы теперь называемъ гимназіей) въ гор. Преровѣ. Но Коменскій поступилъ въ эту школу уже юношей, пожившимъ къ тому же самостоятельной жизнью, и потому онъ могъ вполнѣ сознательно отнестись къ тому, что увидалъ въ этой школѣ. Какое воспоминаніе сохранилъ о своемъ ученьи Коменскій, можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: «Я самъ», писалъ впослѣдствіи Коменскій по поводу своего ученья въ Преровской школѣ, «одинъ изъ многихъ тысячъ несчастныхъ дѣтей, у которыхъ дорогая весна всей жизни, цвѣтущіе годы юности погибли жалкимъ образомъ... Ахъ, какъ часто, когда мнѣ удалось ознакомиться съ лучшимъ, воспоминаніе о потерянномъ времени вызывало у меня стоны изъ груди, слезы изъ глазъ, скорбь изъ

сердца... О, если-бы вернулись потерянные годы! Но тщетны мольбы: истекшій день не возвращается болѣе. Никто изъ насъ, чьи годы прошли, не помолодѣетъ, чтобы снова начать жизнь и начать ее съ лучшей подготовкой; этому уже помочь нельзя. Для насъ остается одно только, одно только для насъ возможно: *насколько мы въ силахъ «дать добрый совѣтъ подростающему поколѣнію»*.

Изъ этихъ словъ видно, какъ плохи были въ то время школы, коль скоро такой даровитый и любознательный юноша могъ сохранить такое воспоминаніе о своемъ ученьи. Мы видимъ также, какъ Коменскій стремился самое зло, которое онъ претерпѣлъ самъ, обратить въ пользу другимъ. Въ самомъ дѣлѣ въ теченіе всей своей долгой жизни Коменскій, ссылаясь на свой опытъ, не переставалъ порицать чрезмѣрнаго увлеченія въ школахъ латинскимъ языкомъ въ ущербъ родному языку, въ ущербъ болѣе нужнымъ въ жизни знаніямъ.

Окончивъ 19 лѣтъ Преровскую школу и получивъ все то образованіе, какое въ то время возможно было въ Моравіи, Коменскій мечтаетъ уже попасть за предѣлы своей небольшой родины, чтобы поискать болѣе глубокихъ познаній. Несмотря на молодые годы, Коменскому удалось получить мѣсто воспитателя сына одного знатнаго и богатаго единовѣрца. Вмѣстѣ со своимъ воспитанникомъ Коменскій ѣдетъ за границу и тамъ спѣшитъ поступить въ одно изъ наиболѣе извѣстныхъ въ то время высшихъ учебныхъ заведеній—университетъ въ германскомъ городѣ

Херборнѣ. Въ Херборнскій университетъ влекла Коменскаго слава одного изъ профессоровъ, Алштеда, который пріобрѣлъ большую извѣстность многочисленностью своихъ сочиненій и ихъ разнообразіемъ. Коменскій самъ стремился пріобрѣсти глубокія и разнообразныя знанія: понятно поэтому и его желаніе попасть въ Херборнъ, и та тѣсная дружба, которая вскорѣ связала на всю жизнь профессора и его ревностнаго и даровитаго ученика.

Но любознательному юношѣ мало было одного Херборнскаго университета. Въ теченіе своего трехлѣтняго пребыванія за границей Коменскій перебывалъ въ разныхъ городахъ Европы, слушалъ лекціи въ знаменитомъ Гейдельбергскомъ университетѣ, куда привлекла его слава о богатѣйшей библіотекѣ. Коменскому удалось даже побывать въ Голландіи, въ то время самой богатой, самой просвѣщенной странѣ въ Европѣ, той самой странѣ, куда, спустя почти 100 лѣтъ, такъ стремился одинъ изъ самыхъ любознательныхъ людей своего времени великій императоръ Петръ.

Благодаря своему путешествію въ Голландію, Коменскій еще юношей увидѣлъ страну, гдѣ люди разныхъ религій жили мирно вмѣстѣ, не думая преслѣдовать другъ друга за религіозныя несогласія, гдѣ почти весь народъ обучался въ школахъ, гдѣ въ первый разъ въ исторіи міра, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, начали издавать газеты настолько доступныя по цѣнѣ, что онѣ читались даже простымъ народомъ и пробуждали въ немъ

интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Коменскій видѣлъ вокругъ себя доказательства богатства, просвѣщенія, довольства жизнью, взаимнаго доброжелательства, и именно это зрѣлище, надо думать, навсегда поселило въ немъ убѣжденіе, что лишь широкимъ распространеніемъ по всей странѣ школъ, лишь широкимъ распространеніемъ въ народѣ знаній—въ особенности полезныхъ для жизни знаній—можно достичь и матеріальнаго достатка для всѣхъ, и устраненія раздоровъ и взаимныхъ преслѣдованій изъ-за религіозныхъ несогласій, которыя въ то время почти не прекращались въ другихъ странахъ Европы.

Думалъ-ли Коменскій, оставляя Амстердамъ, что, именно благодаря такимъ преслѣдованіямъ, онъ вернется въ этотъ самый городъ черезъ 40 съ лишнимъ лѣтъ старикомъ, бѣглецомъ, потерявшимъ семью и свой послѣдній кровъ, извѣстнымъ всему міру и всетаки нигдѣ не имѣющимъ прочнаго пристанища?

Вернемся однако къ нашему разсказу. Уже во время своего пребыванія за границей Коменскій не только учился, но уже и приготовлялся дѣлиться своими знаніями со своимъ народомъ. Еще за границей Коменскій началъ составлять подробный латинско-чешскій и чешско-латинскій словарь. Мы знаемъ, что, составляя такой словарь, Коменскій въ значительной степени приготовлялъ для своего народа ключъ ко всему знанію своего времени.

Тогда-же Коменскій задумалъ написать для народа цѣлый рядъ небольшихъ книгъ по всѣмъ отраслямъ зна-

ній, нѣчто въ родѣ маленькой и дешевой библіотеки для крестьянина. Сочиненія свои Коменскій хотѣлъ писать только на родномъ чешскомъ языкѣ. «Не на одномъ латинскомъ языкѣ надо писать о наукѣ», говорилъ Коменскій. «Не надо прятать науку въ книгахъ для ученыхъ, надо, чтобы знаніе было доступно всѣмъ, надо, чтобы каждый писалъ во первыхъ для своего народа».

Послѣ трехлѣтняго пребыванія за границей, въ теченіе котораго Коменскій старался какъ можно болѣе увидѣть и узнать, онъ наконецъ рѣшилъ, что пора вернуться на родину, пора послужить народу. Надо кромѣ того думать, что Коменскому приходилось сильно нуждаться во время ученья за границей. Назадъ въ Преровъ Коменскій пришелъ пѣшкомъ.

На родинѣ всѣ «Братья» были рады возвращенію молодого 22-лѣтняго ученаго. Всѣ цѣнили его высокое образованіе и, несмотря на молодые годы, поставили его во главѣ той самой Преровской школы, которую Коменскій еще такъ недавно окончилъ. Коменскій съ жаромъ отдался своимъ новымъ обязанностямъ, измѣнилъ во многомъ обученіе въ школѣ, гдѣ кромѣ латинскаго языка стали учить и наиболѣе полезнымъ свѣдѣніямъ о природѣ, о животныхъ, о растеніяхъ. Коменскій пытался и самое ученье латинскому языку сдѣлать болѣе легкимъ, а потому на второй-же годъ своего управленія Преровской школой написалъ упрощенную латинскую грамматику для учениковъ своей школы.

Послѣ двухъ лѣтъ занятій въ Преровской школѣ Коменскій принялъ священство и сдѣлался священникомъ при одной изъ церквей Моравскаго Братства. И какъ священникъ, Коменскій сумѣлъ заслужить всеобщее уваженіе и любовь, такъ что скоро ему поручили самый важный приходъ «Моравскихъ Братьевъ» — въ городѣ Фульнекѣ. Здѣсь Коменскій женился и, казалось, жизнь обѣщала ему впереди достатокъ и досугъ, которымъ онъ намѣренъ былъ воспользоваться, чтобы всецѣло отдаться заботамъ о духовныхъ нуждахъ «Братьевъ» и для того, чтобы удовлетворить свое стремленіе къ знанію.

Въ самомъ дѣлѣ Коменскій, не переставая все это время учить дѣтей въ школѣ, продолжалъ учиться и самъ. Онъ велъ переписку со многими выдающимися учеными своего времени, въ особенности-же съ такими, которые, подобно ему, интересовались вопросами народнаго обученія, которые, подобно ему, стремились ко всеобщему знанію и къ распространенію знаній среди народа. Всю свою ученость Коменскій думалъ потомъ обратить на пользу своего народа и уже готовился приступить къ работѣ. Судьба однако готовила ему тяжкія испытанія.

II.

Судьбы Чехіи и Европы отъ XV до XVII вѣка. Великій славянскій проповѣдникъ Янъ Гусъ.

Въ то время, когда жилъ Коменскій, люди болѣе всего интересовались вопросами вѣры. Впрочемъ, этотъ усиленный интересъ къ религіознымъ вопросамъ просыпался въ народѣ уже не въ первый разъ. Дѣло въ томъ, что католическое духовенство со своимъ главой, папой, уже давно дошло до величайшихъ безобразій. Римскій папа и его ближайшіе помощники, кардиналы, долгое время были извѣстны во всей Европѣ своей крайне порочной жизнью, своей жадностью къ деньгамъ, полнымъ пренебреженіемъ къ заповѣдямъ той религіи, во главѣ которой они стояли. Папа собиралъ деньги со всѣхъ католическихъ странъ Европы,—а католическими были всѣ страны Западной Европы вплоть до XVI вѣка,—но и этого дохода ему было мало. Измышляя постоянно, подъ какимъ бы еще предлогомъ обирать простодушный, а главное совершенно невѣжественный и суевѣрный народъ, папа нерѣдко устраивалъ торговлю изъ, будто бы ему принадлежащаго права, отпущенія грѣховъ. И вотъ ѣхали по всей Европѣ монахи обирать легковѣрный народъ, обѣщая прощеніе грѣховъ всякому, кто заплатитъ большую или меньшую сумму денегъ, смотря по грѣху.

Наиболѣе безобразной жизнью отличался самъ папа и его приближенные, но немногимъ лучше было и мѣстное духовенство, въ особенности высшее, утопавшее въ роскоши или занимавшееся охотой на дикихъ звѣрей и совершенно пренебрегавшее своими пастырскими обязанностями.

Многіе понимали, какъ мало соотвѣтствуетъ жизнь духовенства тѣмъ завѣтамъ, которые оставилъ церкви ея Божественный Основатель. Да и само католическое духовенство, конечно, понимало это, а потому тщательно не допускало народъ до знакомства съ Библіей и даже съ Евангеліемъ. Такъ какъ однако у папы не хватало дерзости прямо запретить народу читать Слово Божіе, то былъ даже выдуманъ догматъ вѣры, будто бы Слово Божіе можно читать только на латинскомъ, греческомъ или еврейскомъ языкахъ, т. е. на такихъ языкахъ, которые были мало извѣстны даже высшимъ классамъ, не говоря уже о простомъ народѣ.

Въ Англіи раньше всего раздался рѣзкій протестъ знаменитаго проповѣдника Виклефа противъ такого полнаго извращенія христіанскаго вѣроученія. Въ отвѣтъ на это папа сталъ проклинать проповѣдника и затѣмъ потребовалъ его къ себѣ на судъ въ Римъ. Когда-же Виклефъ на судъ не явился, папа отлучилъ его отъ церкви; Виклефъ не обращалъ однако вниманія на проклятія папы и продолжалъ писать сочиненія, гдѣ по прежнему доказывалъ, какъ мало походитъ католическая церковь на

церковь первыхъ христіанъ. Затѣмъ Виклефъ перевелъ Библію на англійскій языкъ, для того, чтобы сдѣлать чтеніе ея доступнымъ всѣмъ и, наконецъ, спокойно окончилъ свои дни на родинѣ.

Событія въ Англіи интересовали всю Европу, такъ какъ католическія безобразія были вездѣ больнымъ мѣстомъ. Сочиненія Виклефа дошли и до Чехіи, гдѣ въ это время жилъ великій проповѣдникъ Янъ Гусъ. Гусъ читалъ сочиненія Виклефа, видѣлъ всю правоту ихъ и самъ сталъ распространять подобныя-же ученія. Гусъ въ своихъ проповѣдяхъ сталъ указывать на распущенность католическаго духовенства, на жадность папъ, на ни съ чѣмъ несообразный обычай въ славянской странѣ Чехіи вести церковную службу на латинскомъ языкѣ, котораго простой народъ совсѣмъ не понималъ. Кромѣ того Гусъ напоминалъ всѣмъ о томъ времени, когда въ Чехіи богослуженіе совершалось на родномъ языкѣ. Во времена-же Гуса народъ успѣлъ забыть объ этомъ времени, благодаря усиліямъ католическаго духовенства.

Папѣ, конечно, такія проповѣди очень не нравились. Онъ грозилъ Гусу проклятіемъ. Когда-же Гусъ и послѣ этого не унялся, папа отлучилъ его отъ церкви; затѣмъ отлучилъ отъ церкви даже весь городъ Прагу, гдѣ Гусъ говорилъ столь непріятныя для папы проповѣди: церкви были закрыты, священники не могли совершать никакихъ требъ, не могли даже крестить дѣтей или хоронить мертвыхъ.

Чтобы избавить городъ отъ такихъ бѣдствій, Гусъ оставилъ Прагу, но, и живя внѣ Праги, онъ продолжалъ издавать сочиненія въ защиту себя и противъ папы, при чемъ свои сочиненія онъ писалъ по-чешски, чтобы ихъ могли читать всѣ грамотные люди.

Видя, что Гуса не унять, видя, что народъ сильно сочувствуетъ проповѣдямъ Гуса, папа, какъ будто сознавая необходимость исправить церковныя злоупотребленія, созвалъ въ Констанцѣ соборъ изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, чтобы обсудить, въ какихъ преобразованіяхъ нуждается церковь и какъ ихъ лучше всего выполнить. Папа призвалъ на соборъ и Гуса, чтобы онъ доказалъ передъ всѣми правоту своихъ взглядовъ или же подвергся осужденію уже не одного его, папы, а всего собора. Императоръ поручился Гусу своимъ словомъ, что, какъ-бы ни отнесся соборъ къ ученію Гуса, жизни его во всякомъ случаѣ не грозитъ никакая опасность. Гусъ повѣрилъ этимъ обѣщаніямъ.

Какъ ни дурно было по мнѣнію Гуса высшее католическое духовенство и его глава, папа, на самомъ дѣлѣ оно оказалось еще хуже. Гуса призвали на соборъ не для того, чтобы выслушать или опровергать его, а только для того, чтобы осудить его и заставить отречься отъ своихъ сочиненій. Когда-же Гусъ наотрѣзъ отказался въ чемъ нибудь измѣнить своимъ взглядамъ, его посадили въ тюрьму и затѣмъ по приговору того-же папы и епископовъ сожгли на кострѣ (1415 г.). Императора - же папа

увѣрилъ, что слова, даннаго еретику, исполнять не слѣдуетъ. Но и этого всетаки было мало позорному собранію высшихъ духовныхъ лицъ католичества: они послали приказъ въ Англію вырыть изъ могилы прахъ Виклефа и сжечь его передъ народомъ.

Смерть Гуса переполнила чашу. Чешскій народъ былъ глубоко возмущенъ и огорченъ потерей своего любимаго проповѣдника, человѣка великой учености и праведной жизни. Чехи захотѣли отомстить за смерть своего учителя, началось народное возстаніе, и кровь полилась рѣкой.

Съ этого времени начались страшныя гусситскія войны, которыя были рѣшительнымъ смѣлымъ выраженіемъ народнаго неудовольствія противъ католическаго духовенства.

Папа испугался возстанія не на шутку, онъ поднялъ на ноги всю Европу, чтобы усмирить возмутившихся чеховъ. Много лѣтъ чехи успѣшно противодѣйствовали всѣмъ усиліямъ своихъ враговъ, и въ этой неравной борьбѣ особенно прославился великій чешскій патріотъ и полководецъ Янъ Жижка, который, потерявъ во время войнъ свой послѣдній глазъ, продолжалъ предводительствовать войсками и 12 разъ одерживалъ побѣду надъ непріятелемъ, который большею частью превосходилъ его численностью войскъ.

Какъ ни неровна была борьба, чехи, можетъ быть, справились-бы со всѣми своими врагами: такъ велика всегда бываетъ сила немногихъ людей, одушевленныхъ

великой идеей. Чеховъ погубили ихъ внутреннія несогласія. Чѣмъ съ большей ненавистью относился папа къ чехамъ, чѣмъ болѣе ихъ преслѣдовала католическая церковь, тѣмъ сильнѣе порицали чехи все католическое духовенство, тѣмъ рѣзче нападали на его недостатки, тѣмъ смѣлѣе требовали самыхъ рѣшительныхъ перемѣнъ и въ догматахъ вѣры, и въ обрядахъ, и въ церковномъ управленіи. Религія однако тогда проникала въ такой степени всѣ житейскія отношенія, что всякія перемѣны въ ней непремѣнно влекли за собой перемѣны во всемъ складѣ жизни. Когда-же чехи перестали признавать папу и ему подчиненное духовенство, которое до тѣхъ поръ одно только смѣло разсуждать о вѣрѣ и не позволяло никому думать какъ нибудь иначе, то всѣ принялись разсуждать о вѣрѣ по своему, и никого не было, кто могъ-бы заставить всѣхъ придти къ какому нибудь соглашенію.

Между тѣмъ въ то время люди нигдѣ еще кромѣ упомянутой выше Голландіи, не дошли до того, чтобы во избѣжаніе раздоровъ признавать за каждымъ право вѣрить въ Бога по своему разумѣнію. Напротивъ, во всѣхъ другихъ государствахъ люди, расходящіеся въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, считали каждый свои убѣжденія единственно правильными, называли другъ друга еретиками и считали кромѣ того, что еретиковъ надо обращать въ истинную вѣру убѣжденіемъ, если-же убѣжденіе не помогаетъ, то можно употребить и насиліе. При такихъ обстоятельствахъ между людьми конечно прочнаго мира быть не

могло. Чехамъ пришлось однимъ изъ первыхъ среди народовъ Европы испытать на себѣ всю справедливость вышесказанныхъ соображеній, когда проповѣдь Гуса и послѣдующая мученическая смерть его вызвала въ народѣ сильный интересъ къ вопросамъ вѣры и церковнаго устройства.

Въ это именно время появилось въ Чехіи много различныхъ сектъ, тогда-то возникла секта знакомыхъ намъ «Моравскихъ Братьевъ». Эти секты, какъ мы сказали, не всегда были въ мирѣ между собой, —между ними были частые споры и ссоры. Къ тому-же нѣкоторыя секты не только требовали перемѣнъ въ догматахъ вѣры, но и желали перемѣнъ во всемъ складѣ жизни. Нѣкоторые, какъ это дѣлали, первое время «Моравскіе Братья», хотѣли, чтобы на землѣ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы не было ни знатныхъ, ни простыхъ, чтобы, однимъ словомъ, всѣ были какъ «братья» въ единой христовой семьѣ. Ко всему этому еще присоединилась распространившаяся въ народѣ молва о скоромъ свѣтопреставленіи, такъ что выходило, что и въ самомъ дѣлѣ людямъ надо заботиться не о богатствахъ земныхъ, а о томъ лишь, какъ-бы угодить Богу, такъ какъ скоро придется отвѣтъ держать за свою земную жизнь, и богатства тутъ не помогутъ. Нѣкоторые такъ и поступали, раздавали имущество и сами шли въ войска, чтобы сражаться за религію и народную свободу, или уходили куда нибудь въ уединенныя мѣста въ лѣсу или въ горахъ и тамъ постомъ и молитвой приготовлялись къ кончинѣ міра.

Время однако шло, народъ терялъ своихъ предводителей, войны разоряли всю страну, внутреннія несогласія не прекращались, міръ существовалъ по прежнему, враги-же постоянно возвращались со свѣжими силами и не помышляли о кончинѣ міра. При такихъ обстоятельствахъ неудивительно, что гусситы (т. е. послѣдователи Гуса) были наконецъ побѣждены. Однако, всетаки, чехи добились хоть того, что по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые хотѣли самыхъ умѣренныхъ улучшеній и измѣненій въ обрядахъ и догматахъ, было даровано право безпрепятственно исповѣдывать свою религію. Съ этихъ поръ и вплоть до описываемаго нами періода жизни Коменскаго (начало XVII вѣка) судьбы Чехіи и ея сосѣдки Моравіи были крайне измѣнчивы. Одно время «Моравскіе Братья» совсѣмъ были изгнаны изъ Чехіи и Моравіи и должны были искать убѣжища за границей. Было и такое время, когда въ Чехіи и Моравіи была объявлена полная свобода вѣроисповѣданій. Большею же частью однако католическое духовенство вело явную и тайную борьбу съ новыми ученіями и старалось заглушить проснувшееся, было, въ народѣ стремленіе учиться, стремленіе думать и разсуждать самостоятельно, стремленіе знакомиться со Словомъ Божіимъ.

Особенно сильно стало заботиться духовенство о подавленіи всякой мысли въ чешскомъ народѣ, когда черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Гуса въ Германіи явился продолжатель его дѣла, великій проповѣдникъ Мартынъ Лютеръ,

подобно Гусу безстрашно порицавшій пороки и злоупотребленія Римскаго папы и всего высшаго католическаго духовенства. Проученный судьбой Гуса, Лютеръ былъ осторожнѣе, и папѣ не удалось сжечь на кострѣ и этого великаго обличителя католической церкви. Ученіе Лютера прошло и въ Чехію, и Моравію, гдѣ напомнило всѣмъ дорогую проповѣдь Гуса.

Проповѣдь Лютера имѣла громадный успѣхъ во всей Европѣ, въ особенности-же въ Германіи. Въ Германіи началась такая-же дѣятельная работа мысли, какая была въ Чехіи во времена Гуса; въ Германіи появились скоро новыя ученія, начались, какъ прежде въ Чехіи и Моравіи, споры, междоусобія, начались кровопролитныя религіозныя войны, длившіяся съ перерывами болѣе ста лѣтъ...

Прошло двѣсти лѣтъ со времени сожженія Гуса, прошло болѣе ста лѣтъ со времени проповѣди Лютера. Люди не переставали обсуждать вопросы вѣры, не переставали изъ-за этихъ вопросовъ преслѣдовать и убивать другъ друга, недовольство католической церковью не прекращалось, расколъ, начавшійся со времени Лютера, распространялся дальше и дальше. Католическое духовенство, убѣдившись, что ему нельзя оправдаться въ своихъ безобразіяхъ никакимъ извращеніемъ Библіи и Евангелія, болѣе всего разсчитывало заглушить неудовольствіе висѣлицей, тюрьмой, костромъ. Духовенство всячески побуждало «вѣрныхъ католиковъ» рѣзать, вѣшать, убивать

всѣхъ, кто осмѣливался открыто порицать католичество и требовать исправленія церкви.

Наилучшими помощниками папы въ искорененіи въ мірѣ всякой попытки самостоятельной мысли были іезуиты, монашескій орденъ, отличавшійся особенной безчестностью своихъ дѣйствій. Іезуиты считали, что все позволительно—обманъ, ложь, всякія насилія, пытки, убійство—все позволительно, даже все похвально и угодно Богу, если только такимъ образомъ можно обратить хоть одного протестанта въ послушнаго католика. Недаромъ слово «іезуитъ» обратилось въ позорное прозвище во всѣхъ народахъ, хотя и до сихъ поръ нѣтъ для папы угоднѣе монашескаго ордена, какъ іезуиты.

Особенно плохо доставалось отъ іезуитовъ чехамъ: всѣми правдами и неправдами старались іезуиты вырвать съ корнемъ въ чешскомъ народѣ всякое воспоминаніе о великой проповѣди Гуса. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что католики по наущенію конечно іезуитовъ, увѣрявшихъ ихъ, что они дѣлаютъ Богу угодное дѣло, стали производить всякія насилія надъ некатоликами: закрывали и разрушали всѣ иновѣрческія церкви и т. п.

Долго терпѣли чехи эти насилія и, наконецъ, не выдержали: они выбросили изъ окна двухъ королевскихъ намѣстниковъ, такъ какъ самъ чешскій король не жилъ въ Прагѣ, и выбрали себѣ другого короля протестанта.

Снова начались волненія въ Чехіи: бывшій чешскій король послалъ противъ чеховъ войско. Сначала чехи одер-

жали побѣду, но затѣмъ въ битвѣ при Бѣлой Горѣ у Праги были (1620 г.) разбиты на голову.

Съ этой ужасной, навсегда памятной для чеховъ битвы, начинаются безконечно-тяжелые для Чехіи дни, дни постепеннаго порабощенія народа, дни быстраго упадка литературы, науки, дни забвенія чехами своего языка, своей религіи, до тѣхъ поръ сохранившей слѣды великаго ученія Гуса.

Вотъ какъ одинъ изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ исторіи и литературы славянскихъ народовъ описываетъ послѣдствія Бѣлогорскаго пораженія: «Фердинандъ II, ставшій снова королемъ чешскимъ, воспользовался побѣдой, какъ подобало католическому фанатику того времени. Судьба Чехіи за это время была по истинѣ ужасна. Вслѣдъ за страшными казнями, конфискаціей (отобраніемъ въ казну) имѣній, заключеніемъ въ тюрьму главныхъ зачинщиковъ, начались преслѣдованія всего населенія: всѣ некатолики, не согласившіеся перейти къ католической церкви, подвергались изгнанію, сначала лютеранскіе и «братскіе» (Моравскихъ Братьевъ) священники, потомъ горожане, наконецъ, дворяне. Тридцатилѣтняя война, наступившая вслѣдъ за Бѣлогорской битвой, сдѣлавшая Чехію одной изъ главныхъ своихъ сценъ, окончательно привела страну въ упадокъ. Чехи, разоренные нравственно, были разорены и матеріально. Дѣло обращенія въ католичество, взятое на себя іезуитами, было исполнено ими съ необыкновеннымъ

усердіемъ; масса народа забыла протестантство, за исключеніемъ немногихъ послѣдователей, особенно «Моравскихъ Братьевъ», скрывавшихся въ тайнѣ... Въ городахъ исчезли всѣ признаки свободы подъ гнетомъ императорскихъ судей и чиновниковъ; у всего народа было отнято даже воспоминаніе о прежнемъ литературномъ развитіи— систематическимъ уничтоженіемъ чешскихъ книгъ. Образованность прежняго времени исчезла. Цифра населенія страшно упала».

III.

Гоненія на Моравскихъ Братьевъ. Скитанія Коменскаго.

Вотъ какія событія прервали мирную и счастливую жизнь Коменскаго. Преслѣдованія, обрушившіяся на всѣхъ некатоликовъ, были особенно жестоки по отношенію къ «Моравскимъ Братьямъ» и ихъ священникамъ. Коменскій не могъ болѣе оставаться на родинѣ, но не хотѣлъ и оставлять ея въ эти тяжелые дни. Онъ скитался по разнымъ мѣстамъ, укрываясь отъ поисковъ преслѣдователей. Самый городъ Фульнекъ, гдѣ жилъ Коменскій, былъ сожженъ испанскими солдатами, пришедшими на помощь Фердинанду II. Коменскій потерялъ свой домъ, все свое имущество, потерялъ свои книги,

потерялъ рукописи начатыхъ сочиненій, долженъ былъ разстаться съ женой и съ дѣтьми.

Съ болью въ сердцѣ переходилъ Коменскій изъ одного мѣста въ другое, надѣясь, что обстоятельства перемѣнятся, что придутъ лучшіе дни. Замѣчательно, что даже своими невольными скитаніями по отчизнѣ Коменскій постарался воспользоваться на благо народа. Переходя постоянно съ мѣста на мѣсто, Коменскій хорошо изучилъ свою родину и составилъ подробную карту Моравіи, на которой нанесъ всѣ города, мѣстечки, деревни, рѣки и горы — однимъ словомъ все, что только находилъ замѣчательнаго въ той или другой мѣстности. Въ теченіе болѣе ста лѣтъ карта Моравіи, составленная Коменскимъ была много разъ издаваема и считалась лучшей, какую можно было достать въ то время: вотъ какъ Коменскій даже изъ несчастія умѣлъ извлекать что нибудь полезное для всѣхъ.

Но, наконецъ, для Коменскаго, какъ для «братскаго» священника, сдѣлалось небезопаснымъ дальнѣйшее пребываніе въ Моравіи, и онъ, укрываясь отъ своихъ преслѣдователей, долженъ былъ уйти въ сосѣднюю Чехію. Въ Моравіи между тѣмъ вслѣдствіе бѣдствій и разоренія войны, вслѣдствіе нравственныхъ и физическихъ страданій, которыя вызвали преслѣдованія людей за вѣру, появились повальныя болѣзни, отъ которыхъ умерли между многими другими жена и дѣти Коменскаго.

Теперь Коменскій совсѣмъ осиротѣлъ. И прежде мысли его подъ вліяніемъ цѣлаго ряда несчастій часто обраща-

лись къ Богу, теперь-же онъ чаще и чаще сосредоточивался на такихъ мысляхъ и написалъ даже сочиненіе «Неприступная крѣпость—Богъ», въ которомъ старался внушить людямъ, что все на свѣтѣ суета, все непрочно, ненадежно, измѣнчиво, прочною можетъ быть лишь вѣра въ Бога, надежда на лучшій міръ. Такъ старался онъ утѣшить себя и своихъ гонимыхъ «братьевъ» въ несчастіяхъ, которыя на нихъ обрушились и которымъ не предвидѣлось скораго конца.

Подобныя-же мысли можно встрѣтить и въ другомъ сочиненіи Коменскаго «Лабиринтъ Свѣта», которое онъ написалъ въ теченіе своего невольнаго досуга во время пребыванія въ Чехіи. Насъ не должно удивлять, конечно, что Коменскій, испытавшій такъ много горя, часто рисуетъ дѣйствительную жизнь въ мрачныхъ краскахъ. Человѣкъ, перенесшій такъ много несчастій, живущій въ изгнаніи и не видящій конца своимъ бѣдствіямъ, не можетъ, конечно, дать вѣрной картины людской жизни, вѣрной картины «Свѣта». Жизнь будетъ казаться такому человѣку слишкомъ дурной, люди очень злыми, счастье очень непрочнымъ. Таковой и представлена жизнь въ названныхъ сочиненіяхъ Коменскаго.

Но въ этихъ сочиненіяхъ есть и много другого. Въ нихъ постоянно чувствуется горячая любовь Коменскаго къ этимъ злымъ или, вѣрнѣе, заблуждающимся людямъ; въ нихъ слышна увѣренность Коменскаго, что всѣ людскія бѣдствія происходятъ отъ того, что люди не понимаютъ

собственной пользы, что они слишкомъ упрямо держатся однихъ и тѣхъ же понятій, что стоитъ только измѣнить нѣкоторыя условія жизни, главное же стоитъ людямъ дать образованіе, и большинство бѣдъ исчезнетъ само собой. Когда люди поймутъ, какъ мало они знаютъ о церкви, о Богѣ, какъ мало вообще они могутъ знать о такихъ предметахъ, они не станутъ болѣе преслѣдовать другъ друга за несогласія въ вѣрѣ, цѣня болѣе всего въ человѣкѣ искренность его убѣжденій, какой бы вѣры ни заставляли его держаться эти убѣжденія.

Два года прожилъ Коменскій въ Чехіи и уже успѣлъ здѣсь немного обжиться. Хотя онъ и долженъ былъ оставить на время свои священническія обязанности, онъ тѣмъ съ большимъ рвеніемъ отдался наукѣ, продолжалъ учиться и учить другихъ. Онъ даже рѣшилъ жениться во второй разъ, что разрѣшается священнослужителямъ Моравскихъ Братьевъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что при всей тягости своего положенія Коменскій не падалъ духомъ: работая все время, не покладая рукъ, Коменскій глубоко вѣрилъ, что обстоятельства должны скоро перемѣниться, что люди увидятъ свои заблужденія, правда восторжествуетъ, и невинныхъ не будутъ болѣе преслѣдовать.

Дѣйствительность не оправдала, однако, этихъ ожиданій. Преслѣдованія начались и въ Чехіи: протестантскимъ и «братскимъ» священникамъ велѣно было переходить въ католичество или удалиться изъ Чехіи, всѣ некатолическія церкви были запечатаны. Многіе изъ священниковъ,

избѣгая преслѣдованій и не желая покидать отечества, уходили въ лѣса, скрывались въ пещерахъ, терпѣли голодъ, холодъ, болѣзни и умирали, оставаясь все время въ ожиданіи лучшаго будущаго, желая снова вернуться въ родныя мѣста, какъ только обстоятельства немного перемѣнятся.

Какъ всегда бываетъ въ такую пору крайняго народнаго горя, людямъ вездѣ представлялись разныя знаменія грядущихъ перемѣнъ: одни видѣли ихъ на небѣ, другимъ чудились разныя явленія во снѣ, третьи подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія и собственныхъ бѣдъ начинали пророчествовать о близкой кончинѣ міра или объ окончательномъ паденіи враговъ отечества, обманывая такимъ образомъ себя и другихъ.

А положеніе чеховъ между тѣмъ все становилось хуже и хуже. Теперь уже преслѣдовали безъ разбора всѣхъ некатоликовъ: и духовныхъ, и свѣтскихъ, и бѣдныхъ, и богатыхъ, и крестьянъ, и знатныхъ вельможъ. Дольше оставаться въ Чехіи было невозможно, надо было искать другого отечества. Рѣшено было выселяться въ сосѣднія страны, гдѣ не преслѣдовали иновѣрцевъ. Часть «братьевъ» думала отправиться въ Польшу, куда 80 лѣтъ тому назадъ скрывались ихъ дѣды отъ первыхъ преслѣдованій послѣ гусситскихъ войнъ. Другая часть намѣревалась искать убѣжища въ Венгріи, гдѣ иновѣрцы пользовались свободой вѣроисповѣданія.

Передъ окончательнымъ переселеніемъ были посланы

довѣренныя лица для подробнаго ознакомленія съ сосѣдними странами и для выбора новыхъ мѣстъ жительства. Коменскому поручено было ѣхать въ Польшу.

Въ теченіе двухъ лѣтъ Коменскій неоднократно совершалъ переѣзды въ Польшу и обратно, былъ онъ нѣсколько разъ и въ Берлинѣ, въ то время небольшомъ городѣ, гдѣ также уже много лѣтъ жили со временъ первыхъ преслѣдованій «Моравскіе Братья».

Во время своихъ поѣздокъ въ Польшу, въ то время самостоятельное, сильное и сравнительно со своими сосѣдями просвѣщенное государство, Коменскому приходилось встрѣчаться съ людьми, принадлежащими къ разнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Не разъ онъ встрѣчалъ среди этихъ людей самое доброжелательное отношеніе, не разъ онъ пользовался ихъ услугами, не разъ, бесѣдуя съ ними, онъ слышалъ слова утѣшенія и сочувствія себѣ и своимъ гонимымъ единовѣрцамъ. И раньше Коменскій отличался терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ и уже въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ порицалъ насилія, преслѣдованія за вѣру. Оставаясь-же во время своихъ переѣздовъ по-долгу среди единовѣрцевъ, Коменскій убѣдился, что при всякой вѣрѣ человѣкъ можетъ быть разумнымъ, добрымъ, услужливымъ въ бѣдѣ, онъ понялъ, что объ этомъ—о томъ, чтобы всѣ люди относились другъ къ другу, какъ братья,—надо гораздо болѣе заботиться, чѣмъ о томъ, чтобы привести всѣхъ въ одну вѣру, въ особенности путемъ насилій и преслѣдованій.

Въ теченіе своихъ странствій Коменскій встрѣтился однажды съ однимъ пророкомъ, предсказывавшимъ гибель католичества и паденіе власти Габсбурговъ—императорской династіи, въ то время наиболѣе сильной и отличавшейся особымъ рвеніемъ въ искорепеніи всѣхъ ученій, несогласныхъ съ католичествомъ. Коменскій поддался вліянію лже-пророка и повѣрилъ въ его предсказанія, онъ даже перевелъ эти предсказанія на чешскій языкъ, думая поднять этимъ упавшій духъ своего народа.

Позднѣе Коменскому пришлось прослышать про одну пророчицу, также предсказывавшую близость большихъ перемѣнъ въ судьбѣ чеховъ и нѣмцевъ. Это была несомнѣнно больная и тѣломъ и духомъ дѣвушка, которая по временамъ впадала въ какое-то изступленное состояніе и въ это время произносила свои пророчества. Не только врачи, но даже и многіе изъ «братьевъ» относились къ ней, какъ къ больной, не довѣряя ея бреду и видя въ ней жертву переживаемыхъ всѣми тяжелыхъ событій, которыя и здоровому-то человѣку трудно было перенести, не впадая въ полное отчаяніе.

Коменскій и въ этомъ случаѣ былъ увлеченъ своимъ любящимъ сердцемъ: онъ жалѣлъ эту дѣвушку, вѣрилъ словамъ ея, сулившимъ столько благъ изстрадавшимся «братьямъ»; онъ пытался даже и другимъ вселить такую же вѣру въ ея пророчества. Но, увы! — пророчества не сбывались... Напротивъ того, положеніе дѣла становилось такъ худо, что волей-неволей приходилось всѣмъ

«братьямъ» покидать окончательно родину. По указанію Коменскаго и послѣ общаго совѣщанія былъ выбранъ для переселенія польскій городъ Лешно. Переходя черезъ границу своего отечества (1628 г.), переселенцы преклонили колѣни, возносяя къ Богу жаркую молитву, чтобы Онъ прекратилъ бѣдствія ихъ родины, куда они не теряли надежды рано или поздно вернуться.

Такъ доказали «братья» на дѣлѣ свою глубокую привязанность къ своей вѣрѣ, рѣшившись для нея оставить все, что можетъ быть самаго дорогого для человѣка въ этомъ мірѣ, свою родину, свои дома, свои храмы, свои школы — однимъ словомъ все, къ чему всѣ «братья» привыкли, что было устроено ими съ такимъ трудомъ, съ такими жертвами.

Коменскій также переселился въ Лешно, и здѣсь началась для него новая дѣятельность, которая скоро доставила ему славу далеко за предѣлами его отечества, которая заставитъ человѣчество помнить и чтить имя его даже и тогда, когда не останется на землѣ ни одного изъ секты «Чешскихъ или Моравскихъ Братьевъ».

IV.

Жизнь Коменскаго въ Польшѣ. Путешествіе въ Англію и Швецію.

Итакъ, Коменскому пришлось окончательно покинуть родину и жить на чужбинѣ, хотя и среди своихъ това-

рищей по несчастію—такихъ-же какъ и онъ невольныхъ переселенцевъ изъ Чехіи и Моравіи.

День и ночь думалъ Коменскій о бѣдахъ, постигшихъ его народъ, и о причинахъ этихъ бѣдъ. Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что главной причиной несчастій надо считать невѣжество чеховъ и происходившая отъ невѣжества-же ихъ бѣдность и неумѣніе пользоваться даже тѣми слабыми силами, которыми они располагали. Коменскій съ завистью смотрѣлъ на протестантскую Германію, гдѣ было много прекрасныхъ школъ, гдѣ были люди, которые заботились о просвѣщеніи народа, писали объ улучшеніи школъ и въ самомъ дѣлѣ улучшали ихъ. «Богъ въ своемъ милосердіи», писалъ Коменскій, «послалъ Германіи людей, которые приготовляютъ ее для уже наступающей зари новыхъ дней».

Въ самомъ дѣлѣ прошло почти сто лѣтъ, какъ Лютеръ въ Германіи въ горячихъ проповѣдяхъ сталъ требовать образованія для всѣхъ. «Если на строеніе городовъ, замковъ, памятниковъ и арсеналовъ обращается одинъ дукатъ», писалъ Лютеръ и повторялъ за нимъ въ своихъ сочиненіяхъ Коменскій, «сотни ихъ слѣдуетъ употребить на то, чтобы надлежащимъ образомъ образовать *одного юношу*, который, ставъ мужемъ, могъ-бы быть для другихъ руководителемъ».

Того-же самаго хотѣлъ для своего народа Коменскій. Онъ пошелъ впрочемъ далѣе Лютера и, не довольствуясь однимъ требованіемъ школъ для всѣхъ, сталъ думать о

томъ, какъ сдѣлать самое ученье въ школахъ болѣе полезнымъ для жизни и болѣе пріятнымъ для дѣтей. Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ Коменскій неустанно трудился надъ этой мыслью, стараясь перечитать всѣ извѣстныя ему сочиненія. «Будучи, соизволеніемъ Божіимъ, изгнанъ изъ своего отечества и принужденъ для пропитанія заняться образованіемъ юношества, я сталъ изучать разныхъ авторовъ», говоритъ о своихъ работахъ Коменскій и перечисляетъ далѣе разныхъ писателей, которыхъ сочиненія онъ изучилъ, при чемъ видно, что онъ съ одинаковымъ усердіемъ читалъ и сочиненія древнихъ, и сочиненія новыхъ англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ писателей, и сочиненія язычниковъ, и сочиненія протестантовъ, и даже сочиненія своихъ преслѣдователей—католическихъ писателей и іезуитовъ.

Къ чему-же привели Коменскаго его занятія? Какихъ школъ желалъ онъ для своего народа? Все это онъ изложилъ въ написанномъ на чешскомъ языкѣ сочиненіи «Великая Дидактика».

Во-первыхъ, Коменскій требовалъ, чтобы учили въ школахъ всѣхъ безъ изъятія: богатыхъ и бѣдныхъ, мальчиковъ и дѣвочекъ. «Что такое богачи, когда имъ недостаетъ образованія», писалъ Коменскій, «какъ не свиньи, откормленныя отрубями? Что такое бѣдные безъ образованія, какъ не нагруженные кладью ослы?»

Коменскій требовалъ далѣе, чтобы всѣхъ учили одинаково, такъ чтобы и бѣдный, но способный человѣкъ

могъ свободно возвыситься до того званія, какое подобаетъ ему по дарованнымъ ему самимъ Богомъ способностямъ, а не оставался бы въ неизвѣстности только отъ необразованія и бѣдности. «Мы не знаемъ, для какой цѣли назначило Божественное Провидѣніе того или другого человѣка», писалъ Коменскій. «Несомнѣнно, однако, что Богъ избираетъ иногда главными орудіями славы своей самыхъ бѣдныхъ, самыхъ ничтожныхъ и неизвѣстныхъ людей. Будемъ-же подражать солнцу, которое освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ всю землю», т. е. будемъ учить всѣхъ безъ исключенія!

Не только Коменскій горячо убѣждалъ людей, что надо учить всѣхъ, онъ требовалъ, чтобы всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ—учили одинаково, учили вмѣстѣ въ одной школѣ. «Люди должны получать образованіе всѣ вмѣстѣ», писалъ Коменскій. «Дѣти не должны быть рано разлучаемы одни отъ другихъ, не слѣдуетъ давать повода нѣкоторымъ изъ нихъ смотрѣть на себя съ высокомѣріемъ, на другихъ презрительно... Всѣ школы должны быть доступны всѣмъ, такъ какъ не только дѣти богатыхъ, знатныхъ, сановныхъ людей родились для высокихъ званій, чтобы только для нихъ была открыта латинская школа» (въ наше время гимназія).

Въ этихъ словахъ, въ этихъ стремленіяхъ, отъ которыхъ далека наша жизнь даже теперь черезъ триста лѣтъ, сказалось вліяніе того живого чувства взаимной «братской» любви и привязанности, взаимнаго довѣрія и уваженія,

которыми всегда отличались «Моравскіе Братья» и которыя тогда въ особенности сильно всѣми ими чувствовались во время несчастій, которыя еще болѣе тѣсно сплотили этихъ мучениковъ, гонимыхъ за вѣру, за убѣжденія.

Великую честь Коменскому дѣлаетъ и то, что онъ въ заботахъ объ образованіи не забываетъ и женщинъ, требуя для нихъ такого-же образованія какъ и для мужчинъ. Только въ наше время въ наиболѣе просвѣщенныхъ государствахъ стали допускать женщинъ — и то крайне неохотно—въ высшія учебныя заведенія, которыя до сихъ поръ считались почему-то предназначенными только для мужчинъ. Между тѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ великій, проникнутый глубокой любовью къ людямъ, славянскій педагогъ считалъ само собой понятнымъ необходимость для женщины такого-же образованія, какъ и для мужчины. «Не созданы-ли онѣ по образу и подобію Божію, какъ и мужчины», писалъ Коменскій. «Не одарены-ли онѣ живымъ и воспріимчивымъ къ наукѣ умомъ, часто даже болѣе мужчинъ? Самимъ Богомъ женщины часто были избираемы для управленія народомъ, для сообщенія спасительныхъ совѣтовъ царямъ и властителямъ, для изученія и врачеванія болѣзней, даже для пророческаго служенія!»

Итакъ, Коменскій желалъ, чтобы учились всѣ безъ изъятія, чтобы всѣ учились вмѣстѣ, онъ кромѣ того требовалъ, чтобы между 6 и 12 годами «всѣ учились всему, такъ чтобы никому, живущему на свѣтѣ, не встрѣчалось

чего нибудь настолько неизвѣстнаго, чтобы онъ не могъ имѣть о томъ никакого сужденія».

Въ самомъ дѣлѣ Коменскій хотѣлъ, чтобы по крайней мѣрѣ до 12 лѣтъ дѣти находили въ школѣ удовлетвореніе всѣмъ своимъ интересамъ и наклонностямъ. Онъ хотѣлъ, чтобы дѣтей учили не по однимъ книгамъ, а водили-бы ихъ въ лѣсъ, въ поля, луга, гдѣ-бы они сами могли изучать живую природу. Онъ хотѣлъ, чтобы въ школѣ дѣти находили всѣ удобства не только для ученья, но и для игръ, для чего при школѣ должны быть сады и большіе дворы. Самыя школы, по мнѣнію Коменскаго, должны быть большія, свѣтлыя, всячески разукрашенныя зданія, которыя по красотѣ и богатству могутъ уступать только развѣ храмамъ. Учить всѣхъ надо не только чтенію и письму, но и всякимъ мастерствамъ, рисованію, пѣнію, музыкѣ, надо дать дѣтямъ понятіе о землѣ, о небѣ, о животныхъ, о растеніяхъ, о родной странѣ, о ея исторіи, о ея географіи, о томъ, какъ она управляется—однимъ словомъ, обо всемъ, что можетъ интересовать ребенка или что можетъ быть ему полезно впослѣдствіи въ обыкновенной жизни.

Таковы были въ самыхъ краткихъ словахъ пожеланія Коменскаго. Только въ наше время они понемногу начинаютъ осуществляться: раньше всѣхъ стала осуществлять эти мечты Коменскаго сосѣдняя съ нами Германія. Франціи нужно было пережить позорную и полную бѣдствій войну съ нѣмцами, чтобы убѣдиться, наконецъ, тяжкимъ

опытомъ въ справедливости того, о чемъ съ такой глубокой вѣрой писалъ 300 лѣтъ тому назадъ Коменскій: что знаніе и образованіе есть великая сила, которая въ мирное время дастъ народу богатство и счастье, въ военное-же —побѣду и славу.

Надо, однако, переплыть черезъ океанъ и посѣтить самый замѣчательный народъ нашего времени — американцевъ, чтобы увидѣть страну, гдѣ полнѣе всего исполнены мечты Коменскаго, страну, гдѣ школы по своему великолѣпію напоминаютъ иногда европейскіе дворцы, страну, гдѣ учится четвертая часть всего населенія (считая и взрослыхъ), гдѣ такимъ образомъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ по завѣту Коменскаго всѣхъ учатъ всему и притомъ учатъ большею частью даромъ, гдѣ, наконецъ, самое ученье нерѣдко бываетъ настолько полезнымъ и въ то же время пріятнымъ, что нерѣдко самымъ большимъ наказаніемъ для дѣтей является угроза не пустить ихъ въ школу.

Не таковы были школы во времена Коменскаго. Не самымъ привлекательнымъ мѣстомъ для ребенка была тогда школа, а самымъ отвратительнымъ; не даромъ даже такой любознательный и способный юноша, какимъ былъ Коменскій, всю жизнь не переставалъ оплакивать годы, потерянные попусту за безтолковымъ ученіемъ латинскому языку.

Чтобы облегчить какъ нибудь эту дѣтскую муку, Коменскій хотѣлъ, чтобы дѣти, уча латинскія слова, учи-

лись кое-чему и о тѣхъ предметахъ, для обозначенія которыхъ служатъ эти слова и чтобы самые предметы были доступны для дѣтскаго пониманія. Коменскій самъ составилъ такую книгу, назвавъ ее «Дверь языковъ». Книга имѣла громадный успѣхъ, доставила Коменскому извѣстность во всемъ образованномъ мірѣ и была переведена на 12 европейскихъ и 4 азіатскихъ языка.

Между тѣмъ община «Моравскихъ Братьевъ» послѣ смерти одного изъ епископовъ выбрала на его мѣсто Коменскаго. На него теперь выпало много новыхъ сложныхъ обязанностей...

При всѣхъ этихъ обязанностяхъ Коменскій не переставалъ наблюдать и за школой въ Лешно, ученье въ которой было организовано по его указаніямъ. Слава о школѣ въ Лешно распространилась по всей Польшѣ, многіе богатые поляки стали издалека посылать своихъ дѣтей въ Лешненскую школу. Коменскій пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы хлопотать предъ богатыми и вліятельными людьми за терпящихъ нужду членовъ братства.

Извѣстность Коменскаго распространялась дальше и дальше. Однажды онъ получилъ приглашеніе изъ Швеціи — одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и наиболѣе могущественныхъ государствъ того времени — пріѣхать туда для исправленія школъ. Коменскій не поѣхалъ, такъ какъ онъ въ это время разсчитывалъ привести въ исполненіе свою давнишнюю мечту: написать рядъ понятныхъ для народа

и доступныхъ всѣмъ по цѣнѣ небольшихъ книжекъ, въ которыхъ сдѣлать краткій обзоръ всѣхъ наукъ.

Для такой работы надо, конечно, много времени, много ума, много труда, врядъ-ли, впрочемъ, даже и въ то время, такая работа была подъ силу для одного человѣка. Коменскій поэтому долженъ былъ искать себѣ помощниковъ.

Наибольшее затрудненіе встрѣчалъ, однако, Коменскій въ недостаткѣ средствъ. Сочиненія давали ему мало денежныхъ выгодъ; какъ епископъ очень бѣдной общины, Коменскій имѣлъ болѣе заботъ, чѣмъ преимуществъ отъ своего высокаго положенія. Такимъ образомъ приходилось искать другихъ источниковъ для полученія средствъ. Въ то время при общемъ народномъ невѣжествѣ и дороговизнѣ печатанія книгъ писатели и ученые обыкновенно искали какого нибудь богатаго покровителя, который давалъ-бы имъ средства на прожитіе и на занятія наукой или литературой.

Бѣдному, хотя-бы и очень способному, человѣку нельзя было и думать писать сочиненія и только этимъ жить. «Громадность работъ, которыя я предполагаю сдѣлать», писалъ Коменскій «заставляютъ меня искать богатаго покровителя». Прошло, однако, нѣсколько лѣтъ, а покровитель не находился: Коменскому приходилось ждать.

Между тѣмъ Коменскій получилъ новое приглашеніе ѣхать исправлять школы: теперь приглашеніе шло изъ Англіи, къ которой Коменскій относился съ особымъ уваженіемъ и любовью, почитая ея ученыхъ и писате-

лей и въ особенности величайшаго ученаго и философа того времени Бэкона Веруламскаго, которому, какъ Коменскій не разъ писалъ объ этомъ въ своихъ сочиненіяхъ, онъ обязанъ былъ нѣкоторыми наиболѣе глубокими своими сужденіями.

Кромѣ того и тогда, какъ и теперь, англичане, охотно жертвовали большія деньги на всякое доброе дѣло, какъ у себя на родинѣ, такъ и въ другихъ странахъ. Англичане посылали, напримѣръ, много денегъ чешскимъ братьямъ, жившимъ въ изгнаніи въ Лешно. Когда Коменскій заявилъ своимъ единовѣрцамъ о желаніи ѣхать въ Англію, всѣ «братья» охотно согласились, такъ какъ всѣ надѣялись, что съ переѣздомъ Коменскаго въ Англію сочувствіе англичанъ и помощь ихъ преслѣдуемымъ «братьямъ» должны еще болѣе возрости.

Коменскій разстался съ женой и дѣтьми и отправился на родину упомянутаго знаменитаго ученаго Бэкона. Съ восхищеніемъ описывалъ затѣмъ Коменскій то, что онъ увидѣлъ въ столицѣ Англіи, Лондонѣ. Какъ священникъ, онъ радовался, видя многочисленность и богатство церквей, какъ ученый онъ радовался, видя множество книжныхъ магазиновъ, типографій и библіотекъ, какъ ревнитель широкаго распространенія въ народѣ образованія онъ радовался, видя насколько просвѣщеніе уже разлито среди англійскаго народа и какъ плодотворно его вліяніе на нравы и благосостояніе націи. Особенно поразило и обрадовало Коменскаго, что въ Англіи не только муж-

чины, но нерѣдко и женщины учились древнимъ языкамъ и языку еврейскому, чтобы имѣть возможность читать Слово Божіе на тѣхъ языкахъ, на которыхъ оно первоначально было написано.

Оказалось, однако, что Коменскій пріѣхалъ въ крайне неподходящее для своихъ цѣлей время. Въ Англіи началась междоусобная война, и англичанамъ было не до преобразованія школъ. Коменскому приходилось искать новыхъ покровителей.

На этотъ разъ покровитель нашелся скоро въ лицѣ богатаго голландскаго купца, Геера, жившаго въ Швеціи. Еще въ Англіи Коменскій получилъ отъ него денегъ на проѣздъ въ Швецію, при чемъ Гееръ и впредь обѣщалъ помогать деньгами Коменскому, чтобы дать ему возможность привести въ исполненіе свои ученыя предпріятія.

За короткое время своего пребыванія въ Англіи Коменскій издалъ новое сочиненіе, которое назвалъ «Путь къ свѣту». Какъ и всегда Коменскій «свѣта» ждалъ только отъ науки, отъ распространенія школъ. Коменскій писалъ также и о причинахъ войнъ и взаимной вражды между народами, при чемъ главной между ними считалъ незнаніе народами другъ друга, непониманіе чужихъ обычаевъ, языка. Наибольшее препятствіе для единенія народовъ Коменскій видѣлъ именно въ незнаніи языковъ и потому высказывалъ горячее пожеланіе, чтобы всѣ народы кромѣ своего языка знали еще какой нибудь одинъ языкъ, который такимъ образомъ былъ-бы общимъ для

всего человѣчества. «Тогда», писалъ Коменскій, «всѣ народы будутъ составлять одну семью, вся земля—одинъ домъ».

Въ томъ-же сочиненіи «Путь къ свѣту» Коменскій выражалъ желаніе, чтобы гдѣ нибудь было устроено высшее ученое учрежденіе, гдѣ жили бы и работали вмѣстѣ самые ученые люди всѣхъ странъ, занимаясь *сообща* всѣми науками и объявляя каждый годъ во *всеобщее свѣдѣніе* результаты своихъ трудовъ. Замѣчательно, что наиболѣе подходящей для такого учрежденія страной Коменскій считалъ Англію, подобно тому какъ онъ считалъ англійскій языкъ наиболѣе подходящимъ для распространенія между всѣми народами въ качествѣ общаго для всѣхъ языка. При такомъ уваженіи къ Англіи и англичанамъ Коменскій конечно могъ лишь съ крайне тяжелымъ чувствомъ оставить эту страну, чтобы ѣхать въ Швецію.

И въ наше время такіе частые переѣзды съ мѣста на мѣсто тяжелы для человѣка 50-ти лѣтъ, какимъ въ то время былъ Коменскій. Коменскій-же совершалъ эти переѣзды тогда, когда суда ходили подъ парусами, употребляя недѣли тамъ, гдѣ теперь нужны дни и даже часы и терпя всѣ послѣдствія непогоды на морѣ.

Пріѣхавъ въ Швецію, Коменскій, которому не хотѣлось жить вдали отъ семьи, сталъ просить своего покровителя согласиться на то, чтобы онъ съ семьей поселился въ ближайшемъ къ Швеціи прусскомъ городѣ Эльбингѣ

(недалеко отъ г. Данцига): такимъ образомъ Коменскій могъ быть близко и отъ Швеціи, и отъ своихъ товарищей по изгнанію, остававшихся въ Лешно.

Получивъ согласіе своего покровителя, Коменскій ѣдетъ назадъ въ Лешно и со всей семьей переѣзжаетъ въ г. Эльбингъ. Живя въ Эльбингѣ, Коменскій постоянно помогаетъ и деньгами, и всѣми другими способами изгнанникамъ въ Лешно. Онъ даже хлопочетъ за нѣкоторыхъ своихъ англійскихъ друзей, которые, по наступленіи въ Англіи смутнаго времени междоусобной войны, очутились безъ средствъ къ жизни. Ему удается склонить Геера оказать и тамъ денежную помощь.

Слава Коменскаго продолжала возростать. Сенатъ г. Эльбинга просилъ Коменскаго давать уроки въ мѣстной гимназіи, и Коменскій принялъ это предложеніе. Средства Коменскаго, однако, далеко не росли въ той-же степени, какъ и его слава, тѣмъ болѣе что онъ не переставалъ помогать другимъ и содержалъ сверхъ того своихъ сотрудниковъ.

Такъ прошло нѣкоторое время, и покровитель Коменскаго сталъ выражать неудовольствіе, почему Коменскій не печатаетъ новыхъ сочиненій, не понимая, какъ много труда и времени тратилъ на каждое изъ нихъ Коменскій. Этотъ послѣдній не зналъ, какъ ему быть и одно время рѣшилъ было прекратить на годъ переписку со своими многочисленными друзьями во всѣхъ концахъ Европы, чтобы вполнѣ отдаться своимъ ученымъ работамъ.

Не такое, однако, было то время, чтобы человѣкъ съ характеромъ Коменскаго могъ отдаться тихой научной или литературной дѣятельности. Споры между католиками и протестантами не прекращались, не прекращалась и взаимная непріязнь разныхъ сектъ, на которыя раздѣлились сами протестанты. Всѣ бывшія до тѣхъ поръ попытки согласить между собой всѣхъ протестантовъ, и тѣмъ болѣе протестантовъ и католиковъ, не приводили ни къ чему кромѣ развѣ еще большаго усиленія вражды. Во всей Европѣ не прекращались войны, которыми правители государствъ думали уничтожить между своими подданными или даже между жителями другихъ странъ кто протестантизмъ, кто католичество.

При такихъ обстоятельствахъ Коменскій не могъ конечно оставаться равнодушнымъ зрителемъ попытокъ примиренія польскихъ католиковъ и протестантовъ. Онъ участвовалъ въ съѣздѣ духовныхъ пастырей разныхъ исповѣданій въ Торнѣ и всѣми силами пытался убѣдить всѣхъ въ необходимости прекратить хоть на время всякую вражду, хоть на время согласиться жить въ добромъ согласіи, такъ какъ, когда люди разныхъ исповѣданій убѣдятся, что ихъ религіозныя несогласія нисколько не мѣшаютъ имъ быть добрыми сосѣдями, готовыми помочь другъ другу гражданами одного государства, они не захотятъ болѣе возобновлять насилій во имя той самой религіи, которая велѣла относиться съ любовью даже къ язычникамъ. Не настало, однако, еще тогда время, когда

люди могли понять всю справедливость словъ Коменскаго, не увѣнчался успѣхомъ и съѣздъ въ Торнѣ. Коменскій въ горѣ писалъ послѣ этого одному своему другу: «Пусть пропадаютъ всѣ секты! Одному Христу я поклоняюсь, Онъ не разбираетъ, кто какой секты, и заповѣдалъ намъ лишь жить въ мирѣ и любить другъ друга на землѣ».

Покровитель Коменскаго былъ недоволенъ тѣмъ, что Коменскій не занимался исключительно научными сочиненіями и пересталъ даже высылать деньги. Коменскій долженъ былъ самъ ѣхать въ Швецію и объяснять Гееру, что у него есть интересы болѣе важные, даже чѣмъ преобразованіе школъ и что онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ, когда обсуждаются религіозные вопросы, которыми онъ такъ много занимался и относительно которыхъ онъ можетъ помочь своими знаніями и своимъ опытомъ.

Отсутствіе помощи со стороны Геера было тѣмъ болѣе тяжело для Коменскаго, что почти тогда-же прекратили высылать ему пособія и изъ Голландіи. Между тѣмъ Коменскій долженъ былъ содержать не только себя, но и пять помощниковъ, которые помогали ему при составленіи его новыхъ сочиненій. «О, друзья мои»! писалъ Коменскій въ Голландію, «если-бы вы знали, какую я терплю нужду! Но не для себя прошу я помощи, а для своихъ сотрудниковъ, какъ это видитъ Тотъ, Который все видитъ».

Скоро, однако, Коменскій освободился отъ заботы о кускѣ хлѣба по крайней мѣрѣ для себя лично: умеръ

главный епископъ «Моравскихъ Братьевъ», а на его мѣсто выбрали Коменскаго, который немедленно и переѣхалъ въ Лешно, гдѣ жило большинство изгнанниковъ.

V.

Коменскій въ Венгріи. Вторичное изгнаніе. Послѣдніе годы жизни въ Амстердамѣ.

Теперь для Коменскаго опять первостепенное значеніе приняли его пастырскія обязанности. Случилось такъ, что около этого-же времени въ положеніи «Моравскихъ Братьевъ» произошла крайне печальная перемѣна къ худшему.

Тридцать лѣтъ въ Европѣ шла борьба протестантовъ съ католиками, при чемъ на долю Германіи выпала тяжелая участь быть главной сценой борьбы. Въ это ужасное время, какъ говорятъ, погибло около половины всего населенія Германіи: города совершенно опустѣли, цѣлыя поселенія были уничтожены безъ слѣда.

«Моравскіе Братья» съ тревогой слѣдили за всѣми событіями войны, зная, что отъ успѣха протестантскихъ государствъ зависитъ и ихъ собственная судьба. Но вотъ въ 1648 г. война окончилась, противники наконецъ помирились не потому, что сумѣли найти полюбовное соглашеніе, а потому только, что у всѣхъ изсякли всякія средства къ дальнѣйшей борьбѣ: до того дошло всеобщее разореніе!

Никто не получилъ рѣшительнаго перевѣса: ни католики, ни протестанты. Двадцать лѣтъ терпѣли «братья» всякія невзгоды на чужбинѣ, утѣшая себя все время, что наступитъ, наконецъ, время, когда можно будетъ вернуться на родину. Теперь объ этомъ нельзя было и думать; нельзя было даже надѣяться на возможность какихъ нибудь перемѣнъ къ лучшему.

Какъ главный епископъ «Моравскихъ Братьевъ», Коменскій долженъ былъ теперь заботиться о всѣхъ нуждающихся членахъ братства. А такихъ было много; особенно тяжело было положеніе тѣхъ, кто, принадлежа на своей родинѣ къ дворянству, не зналъ никакого ремесла и не привыкъ къ физической работѣ.

Тѣмъ, кто получилъ хорошее образованіе, Коменскій доставалъ мѣста учителей во всѣхъ протестантскихъ странахъ Европы; въ это время учителей изъ чеховъ можно было найти въ Швейцаріи, въ Англіи, въ Польшѣ, въ особенности-же въ Англіи, гдѣ они встрѣчали самый хорошій пріемъ.

Среди этихъ заботъ Коменскій нѣсколько разъ получалъ приглашеніе отъ князя Седмиградскаго (въ Венгріи) пріѣхать въ главный городъ княжества, Шарошъ-Патакъ, чтобы улучшить тамошнія школы. Коменскій нѣсколько разъ отказывался, но, наконецъ, согласился, уступая просьбамъ жившихъ въ княжествѣ «Моравскихъ Братьевъ», которымъ хотѣлось видѣться со своимъ великимъ пастыремъ и учителемъ.

Коменскій пробылъ въ Шарошѣ 4 года, улучшилъ много ученье въ школахъ этого города и написалъ тамъ одно изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ сочиненій «Міръ въ картинахъ». Какъ показываетъ самое названіе, это была попытка—одна изъ первыхъ и наиболѣе удачныхъ—дать дѣтямъ понятіе обо всемъ мірѣ, о всемъ, что въ немъ дѣлается, о животныхъ, о растеніяхъ, о разныхъ ремеслахъ, искусствахъ.

Все это изображалось на картинкахъ, при которыхъ были и объясненія на чешскомъ и на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ; такимъ образомъ Коменскій хотѣлъ, чтобы дѣти заразъ учились и вещамъ, и тѣмъ словамъ, которыми эти вещи въ разныхъ языкахъ означаются.

Эта книга имѣла громаднѣйшій успѣхъ во всей Европѣ и издавалась много сотенъ разъ во всѣхъ странахъ, не исключая и Россіи, гдѣ въ первый разъ была издана при императрицѣ Екатеринѣ II подъ названіемъ «Зрѣлище Вселенныя». Много нововведеній сдѣлалъ Коменскій въ Шарошской школѣ, стремясь всячески заставить дѣтей полюбить школу и ученье. Онъ между прочимъ устраивалъ въ школахъ драматическія представленія и составилъ самъ нѣсколько школьныхъ драмъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, Коменскій стремился, чтобы развлеченіе соединить съ пользой, и пытался пьесамъ дать такое содержаніе, чтобы онѣ знакомили дѣтей съ дѣйствительной жизнью.

Коменскому было 62 года, когда онъ вернулся обратно въ Лешно. Теперь, казалось, онъ могъ, наконецъ, отдох-

нуть и спокойно доживать свой вѣкъ послѣ столь многихъ испытаній и странствованій.

Случилось, однако, далеко не то. Скоро началась война между поляками и шведами. Коменскій, живя въ польскомъ городѣ Лешно, имѣлъ неосторожность выразить сочувствіе шведамъ и поздравить ихъ съ первыми успѣхами. Конечно, онъ сдѣлалъ это подъ вліяніемъ искренняго расположенія къ шведамъ, которые въ то время, будучи одной изъ самыхъ сильныхъ націй, вмѣстѣ съ тѣмъ были опорой и надеждой всѣхъ протестантскихъ народовъ и вообще всѣхъ, не принадлежащихъ къ католической церкви.

Но вотъ кончилась война, и поляки жестоко отомстили за то, что они считали измѣной. Городъ Лешно былъ разоренъ до основанія, всѣ «Моравскіе Братья» были изгнаны и преслѣдуемы безъ пощады.

Коменскій долженъ былъ бросить все и бѣжать. Два мѣсяца онъ скитался съ мѣста на мѣсто, пока, наконецъ, не достигъ г. Гамбурга, гдѣ опасно заболѣлъ. Оправившись немного послѣ болѣзни, длившейся нѣсколько мѣсяцевъ, Коменскій продолжалъ свои скитанія и, наконецъ, достигъ Амстердама, гдѣ просвѣщенные граждане пріютили несчастнаго старика.

Въ Амстердамѣ сталъ доживать свой вѣкъ Коменскій, потерявъ и свое второе отечество — Лешно, гдѣ былъ сожженъ домъ Коменскаго, гдѣ пропала его библіотека, которую онъ собиралъ всю жизнь, гдѣ пропали, наконецъ,

рукописи его многихъ работъ, надъ которыми онъ трудился нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Въ Амстердамѣ Коменскій по приглашенію высшей городской власти, сената, издалъ полное собраніе своихъ педагогическихъ сочиненій, посвятивъ ихъ «Знаменитому городу» Амстердаму, гдѣ онъ нашелъ пріютъ и покой. Въ Амстердамѣ-же и окончилъ свою долгую жизнь (умеръ въ 1670 г. на 79-мъ году) Коменскій.

До самой своей смерти не переставалъ Коменскій заботиться о своихъ нуждающихся единовѣрцахъ, которые разбѣжались изъ Лешно въ разныя стороны, терпя голодъ и холодъ. Большинство укрылось въ ближайшемъ городѣ сосѣдней Силезіи, Бригѣ. Особенно трудно было дворянству и духовенству, какъ и вообще всѣмъ тѣмъ, кто не могъ жить трудами рукъ своихъ. Многіе изъ нихъ рады были наняться даже въ пастухи.

Замѣчательно, что и въ эту трудную пору особенно много помогла чехамъ Англія. Коменскій послалъ въ Англію особыхъ уполномоченныхъ, и они собрали огромную для того времени сумму въ 60.000 руб., что для нашего времени соотвѣтствуетъ суммѣ въ нѣсколько разъ большей. Пожертвованія изъ Англіи не переставали приходить и впослѣдствіи, такъ что чехи, слѣдуя примѣру Коменскаго, должны бы всегда помнить великія услуги для нихъ этого великаго народа.

Несмотря на старость, на заботы о нуждающихся единовѣрцахъ, Коменскій не переставалъ до конца жизни

писать. Что-же писалъ этотъ многострадальный человѣкъ? Зная теперь его жизнь, мы могли-бы думать, что хоть подъ старость онъ, наконецъ, потерялъ вѣру въ людей, пересталъ вѣрить въ торжество добра, испытавъ въ теченіе своей долгой жизни непрерывный рядъ лишеній и гоненій.

Нѣтъ, вѣра Коменскаго въ добро не покидала его до конца жизни. До конца жизни Коменскій продолжалъ писать и доказывать, что всѣ людскія несчастія происходятъ или отъ людского невѣжества, или отъ взаимнаго недовѣрія, взаимнаго непониманія людей другъ друга.

До конца жизни своей Коменскій сохранилъ вѣру въ великое назначеніе науки и школы: только школа можетъ дать возможность людямъ лучше понимать себя и окружающій міръ, лучше понимать свою пользу и пользу своихъ ближнихъ.

Только образованіе, такъ думалъ Коменскій, можетъ дать возможность человѣку понять, какъ безплодны попытки надѣть оковы на умъ человѣка и заставить всѣхъ вѣрить и думать одинаково. Только въ школѣ-же могутъ люди узнать, какой великій грѣхъ преслѣдовать и гнать людей во имя той религіи, Божественный Основатель которой заповѣдалъ людямъ, какъ величайшую свою заповѣдь—любить ближняго, какъ самого себя.

Итакъ, Коменскій работалъ до конца своей жизни: стремленіе чѣмъ нибудь приносить пользу людямъ никогда его не покидало. На 77-мъ году своей жизни онъ писалъ: «Бла-

годарю Бога, Которому угодно было, чтобы я всю жизнь свою оставался мужемъ желаній и стремленій!...»

Коменскій радовался, что «желанія и стремленія» никогда не покидали его, такъ какъ глубоко вѣрилъ, что дѣятельное стремленіе человѣка къ какой нибудь цѣли есть важнѣйшій залогъ окончательнаго успѣха. Первымъ и почти единственнымъ условіемъ достиженія людьми счастія и благосостоянія Коменскій считалъ *стремленіе знать*, въ чемъ это счастье заключается и какъ его достигнуть и *желаніе* работать для его достиженія. Вотъ этимъ-то дѣятельнымъ желаніемъ лучшаго будущаго, этимъ-то стремленіемъ работать для его осуществленія и должно по мнѣнію Коменскаго дорожить человѣчество; за эти-то стремленія онъ самъ и благодаритъ Бога. «Не хочу я принадлежать», писалъ Коменскій, «къ числу тѣхъ людей, которые, несмотря на указанія здраваго смысла, разума и Самого Бога, упорно держатся всего стараго, всего, къ чему издавна привыкли люди». «Все», писалъ далѣе Коменскій, «и исторія природы, и исторія человѣка, все заставляетъ насъ въ будущемъ ожидать большаго и лучшаго, чѣмъ было въ прошедшемъ».

Что-же мы должны видѣть въ этихъ словахъ, какъ не поразительный примѣръ непоколебимой вѣры въ добро, вѣры въ прогрессъ человѣчества, въ постепенное улучшеніе всей человѣческой жизни. Пусть-же будетъ для насъ Коменскій великимъ примѣромъ человѣка, который сохранилъ *вѣру* въ хорошія качества человѣка, хотя самъ

въ жизни претерпѣлъ отъ людей много зла, который сохранилъ *надежду* на будущее счастье человѣчества, хотя былъ свидѣтелемъ одной изъ самыхъ продолжительныхъ и губительныхъ войнъ, какія знаетъ исторія, который не переставалъ до конца жизни проповѣдывать людямъ взаимную *любовь*, хотя самъ всю жизнь былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ своими неумолимыми врагами—католическимъ духовенствомъ.

Пожелаемъ-же, чтобы и въ нашемъ великомъ отечествѣ взошли «сѣмена, посѣянныя Коменскимъ», чтобы и у насъ осуществились мечты Коменскаго *о единой всеобщей, обязательной для всѣхъ школѣ*, чтобы и мы, наконецъ, поняли великую и простую истину, возвѣщенную міру Коменскимъ: «всякій человѣкъ, чтобы быть человѣкомъ, долженъ получить образованіе».

П. Г. Мижуевъ.

У М. М. ЛЕДЕРЛЕ

Невскій, 42

СКЛАДЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ИЗДАНІЙ:

НАШЕМУ ЮНОШЕСТВУ РАЗСКАЗЫ О ХОРОШИХЪ ЛЮДЯХЪ:

1) **Не отъ міра сего.** А. П. Мунтъ-Валуевой (изъ жизни Елисаветы Кульманъ). Ц. 10 к. *Допущена для ученич. библ. младш. возр. Средне-Учеб. Заведеній Министерства Народн. Просвѣщ.*

2) **Джоржъ Вашингтонъ** (съ портр.). А. П. Мунтъ - Валуевой. *Изданіе 3-е. Напечатано безъ перемѣнъ съ 2-го изданія, внесеннаго въ каталогъ книгъ, для употребленія въ Низшихъ Училищахъ Вѣдомства Министерства Народн. Просвѣщ.* 1887 г. Ц. 10 к.

3) **Поэтъ-герой** (изъ жизни Теодора Кернера), съ портр. Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. Ц. 10 к.

4) **Друзья слѣпыхъ и глухонѣмыхъ** (Аббатъ Л'Эпе, Самуилъ Гейнике и Валентинъ Гей). Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. Ц. 10 к. *Одобрена для ученич. библіот. младш. возр. Средне-Учебныхъ Завед. Министерства Народ. Просвѣщ. и включена въ каталогъ книгъ для употребленія въ Низш. Училищахъ того-же Министерства.*

5) **Веньяминъ Франклинъ** (съ портр.). Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой. 1895 г. Изд. 3-е. Ц. 10 к., напечатано безъ перемѣны со 2-го изд., *одобреннаго для ученич. библіот. младш. возр. Средне-Учебн. Завед. Минист. Народн. Просвѣщ. и включеннаго въ катал. книгъ для употребл. въ Низш. Училищ. того-же Минист.*

Всѣ пять №№ включены въ каталогъ М. Н. Пр. 1895 г. для употребленія въ Ученич. библ. городск. Училищъ и въ Учит. библіот. Начальн. Училищъ.

6) **Дѣтство Александра Пушкина.** Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой (съ портр.). Ц. 10 к.

7) **Христофоръ Колумбъ.** Разсказъ А. П. Мунтъ-Валуевой, съ портр., картой путешествій Колумба и 4 рис. Ц. 30 коп.

Всѣ первые семь №№ «Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ» циркуляр. Главн. Управл. Военно-Учебн. Завед. отъ 19 янв. 1894 г. за № 3, рекомендованы для пріобрѣтенія въ библіотеки Кадетск. корпусовъ, для среднихъ ротъ.

Всѣ первые семь №№ Ученымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобрены для ученическихъ библіотекъ при Духовно-Учебныхъ заведеніяхъ.

8) **Первые подвижники земли русской.** Разсказъ Е. А. Разиной, 3-е изд. 1895 г. Ц. 10 к.

Включена въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. 1895 г. для употр. въ Ученич. библіот. городск. Учил. и Учит. библіот. Нач. Учит.

9) **Вильямъ Гладстонъ.** Разск. П. Г. Мижуева, съ портр. Ц. 10 к. *Циркуляромъ Главн. Управл. Военно-Учебн. Завед. рекомендована къ пріобрѣт. въ библіот. Кадетск. Корпус. для Старшихъ ротъ.*

10) **Гансъ Эгеде,** проповѣдникъ христіанства въ Гренландіи (съ карт.). Разсказъ И. И. Ѳеоктистова. Ц. 10 коп. *Одобрена Уч. Комит. при Свят. Синодѣ для ученич. библ. Духовно-Уч. завед.*

11) **Петръ Пахтусовъ.** Его жизнь и двукратное путешествіе на Новую Землю. Біогр. оч. Н. А. Борисова, съ картой части Сѣвернаго океана. 1894 г. Ц. 30 к. *Гл. Упр. Военно-Учебн. Завед. рекоменд. для ротныхъ библ. среднихъ ротъ Кадетск. Корпусовъ. Одобрена Уч. Комит. при Свят. Синодѣ для ученич. библ. Духовно-Уч. завед.*

12) **Ричардъ Кобденъ.** Разск. П. Г. Мижуева. Съ портретомъ. 1894 г. Ц. 20 к.

13) **Авраамъ Линкольнъ.** Разск. А. П. Валуевой (Мунтъ). Изд. 3-е, съ 3 рис. и портр. Ц. 20 к. *Напечат. безъ перемѣнъ съ 1-го изд. внес. въ катал. книгъ для употребл. въ Низш. учил. вѣд. Минист. Нар. Просв.* (Журн. М. Н. Пр. Февр. 1891 г.). *Одобрена Уч. Комит. при Свят. Синодѣ для ученич. библ. Духовно-Уч. завед.*

№№ 11 и 13. Включены въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. 1895 г. для употр. въ Ученич. библіот. городск. Учил. и Учит. библіотек. Нач. Училищъ.

14) **Св. Елизавета Тюрингенская.** Ист. оч. Л. Черскаго. Ц. 10 к.

15) **Св. Филаретъ Милостивый.** Ист. оч. Л. Черскаго. Ц. 10 к.

16) **Янъ Амосъ Коменскій.** Оч. П. Г. Мижуева (съ портр.). Ц. 10 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 февраля 1896 г.
Типографія Н. Н. Сойкина, Стремянная улица, д. № 12.

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 072 233 7